

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Е. Д. МАКСИМОВА СЕРЕДИНЫ 1890-х – НАЧАЛА 1900-х ГОДОВ

Д. Ф. Киреев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 февраля 2025 г.

Аннотация: статья посвящена деятельности легального народника Е. Д. Максимова по изучению вопросов благотворительности и общественного призрения в конце XIX в. Анализируются основные работы публициста по вопросам развития социальной помощи в России. Рассматривается участие Е. Д. Максимова в комиссии статс-секретаря К. К. Грота по пересмотру законов об общественном призрении. Выявляется отношение легального народника к государству и самодержавной власти.

Ключевые слова: Е. Д. Максимов, благотворительность, общественное призрение, земство, законопроект.

Abstract: the article is devoted to the activities of the legal populist E. D. Maximov in the study of issues of charity and public assistance at the end of the XIX century. The main works of the publicist on the development of social assistance in Russia are analyzed. The article considers the participation of E. D. Maximov in the commission of State Secretary K. K. Groth on the revision of laws on public health. The attitude of the legal populist towards the state and the autocratic government is revealed.

Key words: E. D. Maximov, charity, public assistance, zemstvo, legislation.

Во второй половине XIX в. ряд взаимосвязанных проблем нищеты, нищенства, частной благотворительности, различных систем общественного и государственного призрения занимал далеко не последнее место в системе социальной помощи Российской империи. Значимость вопросов благотворительности и общественного призрения ясно осознавалась как видными общественными деятелями, так и членами царской семьи Романовых. В конце XIX – начале XX в. в России были созданы необходимые условия, позволявшие наиболее эффективно привлекать и использовать благотворительность как фундамент для организации социальной помощи [1, с. 18]. Среди деятелей, внесших весомый вклад в изучение и разработку проблематики общественного призрения, оказался публицист, экономист, статистик и представитель легального народничества Е. Д. Максимов (1858–1927).

В трудах отечественных историков благотворительности Е. Д. Максимов упоминается как один из крупных исследователей проблемы развития системы социальной помощи в России. Изучение Максимовым вопросов общественного призрения, а также его государственная служба в благотворительном отделении Хозяйственного департамента МВД получили освещение в работах В. Б. Богданова, А. Р. Соколова,

Г. Н. Ульяновой, М. В. Фирсова [2–5]. Однако деятельность публициста в конце 1880-х – начале 1900-х гг. рассматривалась в отрыве от его народнического мировоззрения. В литературе о Максимове, таким образом, остается открытым вопрос, связанный с его отношением к государству как инструменту общественных преобразований.

Евгений Дмитриевич Максимов родился 18 (31) января 1858 г. в уездном городе Суджа Курской губернии в семье почтового служащего. В начале 1870-х гг., будучи подростком, он вместе со старшим братом принимал участие в организации сапожной артели в Полтаве. Поступив позже в Московское высшее техническое училище, Максимов попал под влияние народнических кружков, в результате чего бросил на последнем курсе высшее учебное заведение, чтобы пойти «в народ» простым сельским учителем. В 1883 г. он был избран гласным Суджанского уездного земства. В эти годы Максимов участвовал в земском статистическом обследовании Курской губернии. С 1881 г. началась его литературно-публицистическая деятельность. Написанная в 1885 г. работа «Земские финансы» принесла молодому публицисту широкую известность, благодаря чему он был приглашен в 1888 г. на государственную службу податным инспектором во Владикавказ.

В 1892 г. Е. Д. Максимов переехал в Петербург, где служил ревизором по податной части при департаменте окладных сборов Министерства финансов.

На следующий год он стал правителем канцелярии того же министерства. В конце 1893 г. Евгений Дмитриевич принял предложение К. К. Грота вступить членом-делопроизводителем в возглавляемую им комиссию по пересмотру законов об общественном призрении. В 1890-е гг. появляются статьи Максимова по вопросам благотворительности и общественно-го призрения, которые публиковались в журналах «Русское богатство», «Новое слово», «Вестник благотворительности» и «Трудовая помощь». С 1895 г. он занимал пост начальника благотворительного отделения Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. В 1896 г. стал членом Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах, по поручению которого в конце 1890-х гг. отправился в Поволжье с целью организации «трудовой помощи» пострадавшему от голода населению. Начиная с 1900 г. Максимов был управляющим делами этого комитета, а через пять лет в чине действительного статского советника ушел в отставку по состоянию здоровья [4, с. 94].

Проблема истории общественного призрения в России долгое время оставалась практически неизученной. Единственной серьезной попыткой систематизировать историю российской благотворительности являлся сборник «О общественном призрении в России», опубликованный в 1818 г. [6]. Именно на этот труд будут опираться все последующие отечественные исследования второй половины XIX в. [4, с. 95].

На рубеже XIX–XX вв., когда вопросы благотворительности и общественного призрения получили широкое развитие в России, стали появляться комплексные исследования, содержащие экспертные оценки [там же, с. 75]. И одним из видных специалистов в этой области со второй половины 1890-х гг. стал Е. Д. Максимов. Будучи начальником благотворительного отделения Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, Максимов взялся за составление очерка по истории развития общественного призрения в России, который был напечатан в виде корректурного экземпляра в 1897 г. [7]. Позже отдельные его части в качестве статей были опубликованы в журнале «Трудовая помощь». Следует отметить и более поздний очерк Максимова, помещенный в книге «Общественное и частное призрение в России», где автором была дана характеристика помощи нуждающимся на современном этапе ее развития [8].

Исследуя историю развития общественного призрения в России, Е. Д. Максимов предлагает собственный подход. Публицист с позиций особой роли государства (как надклассовой силы) в деле организации социальной помощи населению рассматривает ее в исторической ретроспективе [5, с. 15]. Следуя хроно-

логии, первый этап был охарактеризован им как благотворительный, когда идея общественного призрения еще не была окончательно сформулирована и носила стихийный характер. По мнению Максимова, помощь бедным существовала еще в языческой Руси, но исторических указаний о ней крайне мало. Развитие же нищенства и мер по отношению к нему начинается с принятием христианства. Милостыня и нищелюбие считались неотъемлемой составляющей жизни во Христе. Автор очерка отмечает таких «нищелюбивых» князей, как Владимир Святой, Ярослав Владимирович, его брат Мстислав, а также Владимир Мономах [7, с. 3].

Преобладающей формой благотворительности в Древнерусском государстве была раздача милостыни. Причем главной целью такой благотворительности являлась не столько помощь страждущему, сколько те последствия от нее, ожидавшие благотворителя в царстве небесном. Е. Д. Максимов первым из исследователей подчеркивает значение той смены мотивации, которая происходила при переходе от традиционного нищелюбия к современной благотворительности [3, с. 51]. Дело в том, что благотворительность на Руси стала вскоре приобретать общественный характер и приобщалась к таким организациям, как церковные братства, братчины и приходские общины, носившие в то время преимущественно земский характер. «Приходская благотворительность, – пишет Максимов, – гораздо больше соответствовала действительным нуждам бедных, чем милостыня» [8, с. 6], но ее упадок «в восточной и южной России начинается со времени, с одной стороны, усиления в государственном управлении приказного начала за счет земского, а с другой – ослабления вольностей простого народа. В XVII в. во многих приходах свободного населения почти совсем не оставалось, а потому и значение их как земских самоуправляющихся единиц значительно ослабло» [там же, с. 8].

Со второй половины XVII в. государственная власть в России заметно укрепилась. Когда нищенство разрослось и стало крупным, «всем заметным злом», государство не могло уже его игнорировать. Как заметил Максимов, в тот период на смену личной благотворительности и земско-приходской помощи бедным пришла государственная помощь нуждающимся. Впервые идея государственного призрения была сформулирована в Стоглавом соборе 1551 г. Однако качественно новый переход произошел в петровскую эпоху. В частности, при Петре I нищенство осуждалось и порицалось, а также запрещалась раздача милостыни профессиональным нищим под угрозой наказания. Заботы о бедных брало на себя правительство. Система призрения была построена на разделении нуждающихся на категории, а также на назначении каждой категории соответственного

призрения. Причем трудоспособным Петр I предписывал назначать посильную работу. Отмечая противоречивость принимаемых мер, Максимов подчеркивал, что положительным нововведением в области призрения стало «признание обязанностей государства по отношению к некоторым категориям нуждающихся, особенно солдат, а отчасти детей и даже больных и дряхлых» [там же, с. 16].

С точки зрения Е. Д. Максимова, следующий этап развития системы помощи нуждающимся пришелся на время правления Екатерины II, когда в России появились специальные органы – приказы общественного призрения. В отличие от петровской эпохи, при Екатерине II репрессивные меры по отношению к нищим отменялись. Обращает внимание автор очерка и на созданные императрицей в 1775 г. работные дома, трансформировавшиеся затем в дома трудолюбия. Значимым достижением Максимов считал тот факт, что императрица пыталась внести черты общественности в идею государственного призрения.

Новым рубежом в истории благотворительности и общественного призрения стали, согласно Е. Д. Максиму, земская и городская реформы Александра II. Именно во второй половине XIX в. начала просыпаться общественная инициатива и общественная деятельность, что привело к заметному росту частных благотворительных учреждений. К началу XX в. в России действовало одновременно три исторически сложившиеся системы помощи нуждающимся: государственное призрение, земская общественная помощь и частная благотворительность. Таким образом, последний этап развития социальной помощи в России, согласно публицисту, связан с решением вопроса нищенства и оформлением нормативно-правовой базы общественного призрения [5, с. 16].

За время работы в комиссии К. К. Грота, а затем и в Министерстве внутренних дел Е. Д. Максимов не ограничивался только изучением истории развития благотворительности. Круг волновавших его вопросов был значительно шире. Не менее важное место в публицистике Максимова занимает проблема деятельности земских учреждений в области общественного призрения. В 1895 г. в свет вышла его специальная работа, посвященная данной теме [9].

С изданием земского и городского положений в центральных губерниях вопрос общественного призрения перешел из ведения приказов в руки земств и городских учреждений. Как отмечает Максимов, в подавляющем большинстве случаев выборные органы местного самоуправления получали от приказов неустроенное и чрезвычайно запущенное дело. В частности, земствам достались в наследство «расшатанная» организация учреждений общественного призрения, обветшалые здания, незначительные средства, а также сокращенные доходы. Положение

осложнялось отсутствием опыта в организации социальной помощи, неопределенностью российского законодательства и неудовлетворенностью многих земских ходатайств [там же, с. 23, 26].

Автор исследования обращает внимание на проблему земских расходов. Больше всего денежных средств требовало здравоохранение. Именно на данную сферу земские учреждения ежегодно увеличивали свои расходы. «Самый ясный и определенный расчет, – писал Максимов, – неоднократно предъявлявшийся земским собраниям, убеждал их, что даже элементарнейшая врачебная помощь, сокращая время болезней и увеличивая рабочую силу населения, возвращает ему в его экономической жизни гораздо больше тех расходов, которые несет оно на медицину» [там же, с. 40]. Как ни велика была необходимость в развитии общественного призрения, это требовалось только определенной части населения, тогда как врачебная и санитарная помощь важны были всему населению [10, с. 60]. Это же касалось и расходов земств на народное образование, так как вложение в него способствовало поднятию культурного уровня и экономического благосостояния народа [9, с. 41]. Согласно мнению автора, взяв на себя основные заботы о врачебной помощи и народном образовании, земства освободили городские и сословные общества, а также частные лица от такой необходимости. В результате это открыло им возможность направить собственные силы и средства на нужды общественного призрения. Все свои выводы Максимов подкрепляет статистическими данными и сводными таблицами.

Большая часть земских учреждений предпринимала попытки разрешить вопрос о распределении обязанностей по призрению между сельскими обществами, волостями, приходами, участками, городами и земствами [10, с. 61]. Тем не менее это не всегда удавалось сделать. Говоря о положительных сдвигах, Е. Д. Максимов отмечает, что земства увеличивали постоянные капиталы общественного призрения и создавали новые, из которых наибольшее значение получили пенсионный и эмеритальный.

Оценивая деятельность органов местного самоуправления в области общественного призрения, Е. Д. Максимов выделяет немало полезного, что было осуществлено ими к концу XIX в. Публицист подчеркивает тот факт, что земским учреждениям удалось выделить на призрение около 10 % необязательного бюджета, что превышало какие-либо ожидания. К тому же земства, как считал Максимов, предпринимали успешные попытки создать постоянно действующие органы общественного призрения при земских управах. По мнению автора, такие органы должны были привлекать к делу призрения лучшие силы и вести его на основании знаний о местных условиях и особенностях [9, с. 104].

Что же предлагал сделать Е. Д. Максимов, чтобы улучшить организацию общественного призрения в России? Прежде всего, общественное призрение, по мнению автора, должно оставаться в «преимущественном заведывании» земства. Во-вторых, важно привлекать постоянные и значительные средства для развития системы помощи призреваемых. В-третьих, необходимо установить разделение нуждающихся на категории и соответствующие им виды призрения. Среди других предлагаемых Максимовым мер стоит отметить его идею о том, что обязанности по призрению должны быть всеобщими и распределяться в соответствии с экономическими условиями между всеобщими волостными организациями, уездными и губернскими земствами, а также городскими обществами и государством [там же].

Против вышеупомянутых и некоторых других утверждений Максимова о земской деятельности в области общественного призрения с резкой критикой выступил К. П. Победоносцев. В своей работе «Организация общественного призрения в России», изданной в 1898 г., обер-прокурор Святейшего Синода заявил о предвзятости Максимова по отношению к заслугам земства. «Увлечение г. Максимова земством так велико, — пишет Победоносцев, — что он силится оправдать и очевидные его промахи и недостатки в деле общественного призрения» [11, с. 41].

В ноябре 1897 г. Е. Д. Максимов начал сотрудничество в журнале «Трудовая помощь», издаваемом Попечительством о домах трудолюбия и работных домах. На страницах этого журнала публицист производил анализ российского законодательства о частной благотворительности [12–16].

Законы, принимавшиеся в области частной благотворительности, были немногочисленны и в основном сосредотачивались в «Уставе об общественном призрении», принятом в 1857 г. Рассматривая принятые в «Уставе» постановления, Максимов отмечал, что многие из них уже давно устарели и мало соответствовали современности. Рассуждая, например, о вопросе частных пожертвований, публицист задавался вопросом: «Неужели пожертвования стоят на рубеже между дозволенным и недозволенным, и относительно их может возникать вопрос о том, разрешат ли их или не разрешат?» [13, с. 149].

Одной из нерешенных проблем оставалось открытие частных благотворительных заведений. Данный процесс осложнялся тем, что полностью ставился под контроль администрации и строго регламентировался ей. А для многих типов заведений вообще не существовало каких-либо установленных правил, в результате чего они находились вне закона. Е. Д. Максимов предлагал обратить внимание на опыт западноевропейских стран, где, для того чтобы открыть частное заведение, необходимо было лишь

только заявить об этом в указанном порядке властям, а не испрашивать разрешения.

В числе ограничительных постановлений «Устава» сохранил свое значение закон о полном обеспечении частных благотворительных заведений. Иными словами, ни одно заведение не могло быть открыто, если оно не имело в своем распоряжении всех необходимых средств для содержания. При этом рассчитывать на «лотереи и другие случайные и неверные доходы» было запрещено, тогда как в действительности большинство заведений было учреждено именно на них [13, с. 151].

Какие же изменения предлагал внести Максимов в действующее законодательство о частной благотворительности? Во-первых, при открытии частного благотворительного общества эффективнее придерживаться явочного порядка вместо порядка исходатайствования разрешения. Во-вторых, следует создать необходимые условия для контроля над частными обществами. Сам надзор должен производиться не отдельными лицами из министерства внутренних дел, а со стороны общих органов общественного призрения, создаваемых в губерниях. Таким контролирующим органом могла, например, стать губернская земская управа. Если новое законодательство будет принято, то важно, по мнению автора, чтобы закон о надзоре губернских земских собраний над частной благотворительностью был выражен в строго определенных формах и конкретных примерах.

Отдельно исследователь общественного призрения останавливался на типах частных благотворительных заведений [15]. Максимов выделил здесь пять основных групп. Наиболее крупную группу составляли заведения для постоянного призрения взрослых нуждающихся, а именно: богадельни, дома призрения, убежища и приюты для взрослых, инвалидные дома, дома милосердия и др. Во вторую группу отнесены заведения для временного призрения взрослых лиц и для оказания специальных видов призрения. К данной группе принадлежали ночлежные дома и приюты, бесплатные и дешевые столовые, чайные, квартиры для бедных, странноприимные дома, дома трудолюбия. Третью группу составляли лечебные благотворительные заведения: больницы, амбулатории, лечебницы, санатории. К четвертой группе относились заведения для призрения и воспитания детей: детские приюты и убежища, сиротские и воспитательные дома, колыбельни, ясли, школы, мастерские, рукодельни, общежития для учащихся и др. В пятую группу входили такие образовательно-воспитательные заведения для взрослых, как воскресные школы, повторительные курсы, народные театры, аудитории, исправительные приюты для падших женщин и др.

Руководство и управление благотворительными заведениями возлагалось, как правило, на особый совет. В его обязанности входили административные, хозяйственные, финансовые и кадровые вопросы. Все дела в совете решались простым большинством голосов. Принятые постановления заносились в журналы, которые представлялись на утверждение учредителю. Учредитель, в свою очередь, представлял два экземпляра отчета местному губернатору – для него самого и для хозяйственного департамента МВД.

Рассматривая различные типы благотворительных заведений, Е. Д. Максимов пришел к выводу, что необходимо избавиться от ряда «неудобств». Для этой цели требовалось освободить учреждения от мелочной регламентации, уравнивать права заведений и лиц, работающих в них. Важно было предоставить разрешение на создание заведений, не обеспеченных в полном объеме необходимыми средствами, а также установить четкие права администрации по исключению деятелей советов из их состава [там же, с. 357].

Е. Д. Максимов несколько лет своей жизни посвятил проблеме усовершенствования законодательства в области благотворительности и общественно-го призрения. В конце 1893 г. Евгений Дмитриевич был приглашен делопроизводителем в созданную годом ранее Комиссию К. К. Грота по пересмотру законов об общественном призрении. За время работы в Комиссии Максимов разработал целый ряд аспектов помощи бедным, причем тексты его, как справедливо заметила Г. Н. Ульянова, выделялись скрупулезностью проработки материала и серьезностью историко-социологического подхода [4, с. 94]. Кроме Максимова в Комиссию К. К. Грота входил профессор Московского университета В. И. Герье. Примечательно, что оба они были приглашены в Комиссию, когда ее основной состав был уже сформирован. В тот период Максимов и Герье состояли даже в переписке [17].

Как отмечал Е. Д. Максимов в автобиографии, во время работы Комиссии ему и профессору В. И. Герье было поручено составление законопроекта об общественном призрении [18, л. 17]. Вдвоем они разрабатывали проект бессловесного варианта призрения, в то время как К. К. Грот и руководитель хозяйственного департамента МВД И. И. Кабат занимались составлением своих собственных проектов. Все три концепции были внесены в Комиссию Грота, которая остановилась в конечном итоге на варианте И. И. Кабата. Однако завершить выработку единого законопроекта было не суждено. Председатель Комиссии К. К. Грот периодически недомогал. В 1896 г. Константин Карлович тяжело заболел и оставил работу в Комиссии, а 13 марта 1897 г. он официально вышел в отставку и через несколько месяцев скончался в возрасте 82 лет [1, с. 25]. Завершение работы Комис-

сии было возложено на Министерство внутренних дел. С этой целью Е. Д. Максимов был приглашен туда, где проработал вплоть до 1899 г. В 1898 г. им было завершено составление проекта изменения действующего закона об общественном призрении, но внести его в Государственный совет так и не удалось. Дело в том, что разработанный Максимовым законопроект встретил противодействие со стороны обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и министра финансов С. Ю. Витте. Оба эти ведомства, как вспоминал Максимов, стояли на позиции церковно-приходской системы призрения и возражали против его земской и общественной организации [18, л. 17]. В частности, Победоносцев считал, что вопрос общественного призрения был недостаточно изучен Комиссией статс-секретаря Грота, чтобы его можно было безошибочно разрешить в кратчайшие сроки [11, с. 43].

Каково же было отношение Е. Д. Максимова к государству? Прямого ответа на данный вопрос публицист не давал. Однако в косвенном виде это отношение можно проследить в трудах Максимова, посвященных вопросам общественного призрения. Стоя на позициях легального народничества, публицист неоднократно подчеркивал первостепенную роль государства в деле организации призрения бедных. Здесь нет ничего удивительного, так как в 1880–1890-е гг. часть легальных народников признавали политику Александра III «народной» и шли на временное примирение с идеей народного царя [19, с. 153]. Представители правого народничества полагали, что только объединенными усилиями общества и государства можно было добиться улучшения уровня благосостояния народа в стране. Особенно это стало понятно после голода 1891/92 г., когда большая часть интеллигенции осознала, что без вмешательства государства решить проблему экономического и культурного подъема народной жизни было невозможно. Неслучайно поэтому Максимов принял предложение в конце 1893 г. войти в состав комиссии К. К. Грота.

Таким образом, Е. Д. Максимов внес существенный вклад в изучение истории развития системы социальной помощи в России. Его труды прочно вписались в историографическую традицию по истории российской благотворительности. За 12 лет работы в области общественного призрения Евгению Дмитриевичу удалось исследовать едва ли не все аспекты этой обширной темы, о чем свидетельствуют написанные им более пяти десятков книг, брошюр и статей. Будучи легальным народником, он один из немногих, кто сумел дослужиться до действительного статского советника. По всей видимости, в 1890-е гг. идейные взгляды народнического публициста эволюционировали в сторону лояльного отноше-

ния к государству и его структурам. В тот период Максимов отстаивал в своих публикациях концепцию «социального государства», веря в возможность консолидации власти и общества вокруг насущных проблем жизни народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хитров А. А. Константин Карлович Грот – организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века / А. А. Хитров // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 99. – С. 17–26.
2. Богданов В. Б. История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века : учеб. пособие для вузов / В. Б. Богданов. – М. : Юрайт, 2019. – 353 с.
3. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX в.) / А. Р. Соколов. – СПб. : Лики России, 2007. – 656 с.
4. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века / Г. Н. Ульянова. – М. : Наука, 2005. – 403 с.
5. Фирсов М. В. История социальной работы : учебное пособие / М. В. Фирсов. – М. : КНОРУС, 2012. – 400 с.
6. О общественном призрении в России. – СПб. : Издано при Министерстве полиции, 1818. – Ч. 1: О начале устройства и распространения в России общественного призрения, о нынешнем состоянии оно под ведомством приказов общественного призрения и изданные о сем предмете законы до учреждения губерний. – 114 с.
7. Максимов Е. Д. Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е. Д. Максимов. – [Б. м. : б. и.], 1897. – 277 с.
8. Максимов Е. Д. Очерк истории развития и современного положения общественного призрения в России / Е. Д. Максимов // Общественное и частное призрение в России. – СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1907. – С. 1–68.
9. Максимов Е. Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения / Е. Д. Максимов. – СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1895. – 105 с.
10. Гаврилина Н. А. Максимов Евгений Дмитриевич : взгляд на благотворительность и общественное призрение в России в XIX в. / Н. А. Гаврилина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4 (56). – С. 58–64.
11. Победоносцев К. П. Организация общественного призрения в России / К. П. Победоносцев. – СПб., 1898. – 53 с.
12. Максимов Е. Д. Очерки частной благотворительности в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1897. – № 1. – С. 57–65.
13. Максимов Е. Д. Очерки частной благотворительности в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1897. – № 2. – С. 148–155.
14. Максимов Е. Д. Очерки частной благотворительности в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1898. – № 3. – С. 209–217.
15. Максимов Е. Д. Очерки частной благотворительности в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1898. – № 4. – С. 321–345.
16. Максимов Е. Д. Очерки частной благотворительности в России / Е. Д. Максимов // Трудовая помощь. – 1898. – № 6. – С. 498–515.
17. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 70. – К. 48. – Ед. хр. 48–51.
18. Рукописный отдел Института русской литературы. – Ф. 377. – Оп. 7. – Д. 2286. – 27 л.
19. Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж : Научная книга, 2010. – 299 с.

Воронежский государственный университет
Киреев Д. Ф., аспирант кафедры истории России
E-mail: dmitriy.kireev.1998@mail.ru

Voronezh State University
Kireev D. F., Post-graduate Student of the Russian
History Department
E-mail: dmitriy.kireev.1998@mail.ru